

УДК 329(47+57)"189/181"-029:178.1

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

© Иван Александрович ШЕВЧЕНКО

Липецкий государственный педагогический университет,
г. Липецк, Российская Федерация, аспирант,
кафедра отечественной истории, e-mail: iash@rambler.ru

Рассмотрена проблема соотношения развития общественного движения и потребления спиртных напитков в России в конце XIX – начале XX в. Анализируется взаимосвязь между различными этапами развития общественного движения и динамикой потребления спиртных напитков в России в указанный период. На основе анализа архивных данных, статистических материалов, периодической печати, мемуарной литературы раскрывается специфика потребления алкоголя, главным образом, в условиях Первой российской революции 1905–1907 гг. Приводится заключение о том, что спиртное, с одной стороны, могло снимать социальное напряжение масс, снижая их революционную активность, с другой стороны, опьянение могло стимулировать погромные настроения, ослабляя при этом чувство ответственности. В целом же делается вывод о том, что алкоголь, как правило, не сопутствует успеху революции, поскольку состояние аффекта исключает элемент организованности социальных групп. Кроме того власти в указанный период не видели в алкоголе инструмент для различных политических манипуляций, рассматривая продажу спиртных напитков исключительно как средство для пополнения государственного бюджета.

Ключевые слова: алкоголь; общественное движение; революция; винная монополия.

Потребление алкоголя во все времена – явление чрезвычайно многогранное, внимательно рассматривая которое можно анализировать события и процессы экономической, культурной, политической, общественной жизни государства. Ответы на вопросы о том, что, как, когда, зачем, сколько пили люди в определенных исторических условиях, иной раз помогают глубже проникнуть в суть тех или иных социальных явлений.

Изучение размеров потребления спиртных напитков в России в 1900-х гг. дает один очень любопытный факт. Динамика этого процесса характеризуется скачкообразным ростом потребления алкоголя в городах и уездах страны применительно к 1906 г. Так, в 1904 г. размер душевого потребления спиртного в городах составил 1,43 ведра, в селах – 0,41 ведра; в 1905 г. – 1,5 и 0,43 ведра; в 1906 г. – 1,68 и 0,48 ведра; в 1907 г. – 1,62 и 0,48 ведра [1, с. 91]. К примеру, в Московской губернии в 1906 г. было продано на 300 тыс. ведер казенного вина больше (всего – 1 млн 797 тыс. ведер), чем в 1905 г. [2]. Депутат-октябрист М.Д. Челышев на заседании Государственной думы III созыва отмечал, что в 1902 г. в России было выпито 63 млн ведер водки, а в 1906 г. – 85 млн [3, стб. 317].

Современники уже по горячим следам Первой русской революции начали выяснять

взаимосвязь между потреблением спиртных напитков и степенью развития общественных движений, их масштабами и результатами. Представитель Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов А.А. Шумахер, дискутируя в 1909 г. с участниками Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, подчеркивал, что повышение потребления алкоголя на протяжении 1900-х гг. характерно лишь для 1906 г. «по всем известным исключительным условиям, которые приходилось переживать в России» [4, с. 150].

Стоит признать, что нередко попытки установить какую-либо взаимосвязь с потреблением алкогольных напитков и революционными событиями были продиктованы не столько желанием найти истину, сколько идеологическими мотивами, стремлением дискредитировать политических оппонентов.

Так, в 1907 г. доктор медицины Н.Н. Шипов на одном из заседаний монархической организации «Русское собрание» выступил с докладом «Алкоголизм и революция», в котором назвал алкоголь почвой, на которой выросла русская революция. Н.Н. Шипов утверждал, что «пропойца является... лучшим исполнителем революционных постановлений, т. к. у алкоголика притуплено нравственное чувство и сильно развита жес-

токость, почему он легко соглашается убивать просто за деньги, по найму» [5, с. 35]. Резюмируя, Н.Н. Шипов называл алкоголика «нужным человеком для революции», подчеркивая заинтересованность сил, стремящихся к насильственной смене государственного строя, в увеличении потребления спиртного населением [5, с. 35].

Подобные взгляды не были редкостью и, как правило, являлись одним из элементов политической риторики людей правых взглядов. «Революция нашего обывателя научила, действительно, и пьянствовать, и бездельничать», – утверждал в Государственной думе III созыва депутат-монархист, священник Константин Рознатовский [3, стб. 2092].

Другая точка зрения гласила, что власть намеренно способствовала увеличению потребления спиртного, чтобы посредством горячительных напитков сбавить градус революционной активности населения. «Бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская писала о том, что государство намеренно стимулировало народное пьянство «из политических и финансовых соображений» [6, с. 292].

Современный исследователь С.А. Павлюченков, анализируя результаты революций в России начала XX в., пришел к следующему выводу: «...печально отразилось на карьере Николая II и всей романовской династии его опрометчивое решение о введении в 1914 г. «сухого закона». Переизбыток народных эмоций не растворился в вине, а воплотился в революцию» [7, с. 191].

Чтобы разобраться с причинами роста потребления спиртных напитков в 1906 г., необходимо прояснить несколько важных моментов, одним из которых является алкогольная политика государства.

В годы Первой русской революции, во время которой, по логике Павлюченкова, «переизбыток народных эмоций растворился в вине» в отличие от 1917 г., в России действовала казенная продажа питей. Ее введение в 1894 г. сопровождалось объяснением, что основное назначение питейной реформы состояло в «уменьшении пьянства», подчеркивалось, что с этой задачей может справиться лишь государство. Однако тот факт, что в начале XX в. доходы от винной монополии стали составлять до трети бюджета страны,

позволил уже современникам отмечать, что де-факто главной идеей казенной продажи питей являлось удовлетворение экономических потребностей государства.

Однако понимали ли власти политический аспект контроля над оборотом спиртного? В конце 1907 г. один из авторов питейной реформы, экс-министр финансов Российской империи С.Ю. Витте на заседании Государственного совета произнес следующее: «Что было бы, если бы Александр III не ввел монополию?.. Было бы на 800 или на 900 тысяч революционных гнезд больше» [8].

Цитата требует пояснений. Казенная продажа питей, распространившаяся главным образом на водку, нанесла удар по самому популярному месту распития спиртного для широких масс населения – деревенскому кабаку. Применительно к селу введение монополии упразднило продажу вина распивочно, заменив кабак казенной винной лавкой, отпускавшей спиртное только в запечатанной посуде на вынос. По мысли реформаторов, такая мера должна была приучить народ к равномерному потреблению алкоголя в домашних условиях в противоположность «пьяному кабацкому угару». В реальности вышло противоположное: в результате ликвидации общедоступных мест распития алкоголя развилось т. н. уличное пьянство, когда покупатели пили приобретенное вино по выходе из казенной лавки, на улице. Бесспорно, что такая форма потребления спиртного – у всех на виду – отнюдь не способствовала идее распространения трезвости.

Возможно, глубинные причины ликвидации распивочной торговли лежали в другой плоскости. По мнению многих современников, кабак являлся в дореволюционной России не только, а, возможно, даже и не столько питейным заведением, сколько сельским клубом, местом, где можно было за стаканом вина узнать последние новости, поговорить о политике, хозяйстве, житейских проблемах. «Здесь крестьянин встречал свою веселую компанию, здесь часто находил и музыку, и пение, и забаву в виде русской пляски какого-либо пропойцы. Кроме того, в кабаке встречались друзья, знакомые... и начинается общее распитие полштофа со свободным разговором и воспоминаниями...», – писал о кабаке в 1873 г. сельский священник [9, с. 375].

И.Х. Озеров в 1900-х гг. цитировал одного корреспондента, писавшего, что «все крестьяне хотели бы иметь возможность выпить в трактире, посидеть в свободное время, развлечься, повидаться с соседями и знакомыми, узнать про новости, – теперь же нет трактиров, и народ толпится на улице» [10, с. 355].

Современный американский исследователь А. Кимбалл в связи с этим называет деревенский каба́к «зародышем гражданского общества в России во второй половине XIX в.». Кимбалл приходит к выводу, что каба́к, являясь «крепким орешком» для государственной власти, «бросал вызов самодержавию, стремившемуся держать общественные отношения под неусыпным контролем» [11, с. 139].

Стоит признать, что власть вызов приняла. По итогам введения винной монополии деревенский каба́к и как питейное заведение, и как элемент гражданского общества был уничтожен. Судя по всему, в результате реформы реализовывались две задачи – казна получала новый серьезный источник дохода, сфера свободной общественной жизни в деревне сужалась, что, в общем-то, вписывалось в общую логику т. н. «контрреформ» Александра III.

О том, что власть чувствовала угрозу со стороны владельцев каба́ков, опасаясь их неблагонадежности и соответствующего негативного, с точки зрения администрации, влияния на крестьян, упоминали современники. П.Н. Милюков рассказывал в Думе, что, по словам С.Ю. Витте, «сидельцы казенных винных лавок хороши не потому, что они не были заинтересованы в продаже и не впускали бы пьяниц и малолетних, а потому что они не держат бомб и браунингов». «Великая затея, огромное государственное дело сведено на борьбу с неблагонадежностью», – резюмировал П.Н. Милюков [13, стб. 2120, 2121].

Таким образом, можно сделать вывод, что центральную власть с политической точки зрения интересовали не размеры потребления спиртного, а формы, правительству важно было заменить распивочную торговлю в каба́ках продажей алкоголя на вынос из казенных винных лавок.

Местные же власти часто видели в спиртном не инструмент для «растворения народных эмоций», а, наоборот, катализатор

погромного движения. В 1900 г. калужский губернатор А.А. Офросимов распорядился закрыть питейные заведения в ряде селений Козельского уезда по причине «брожений», связанных с незаконной порубкой леса местными крестьянами [12, с. 499].

Впрочем, возможно ли предположить, что не пьянство сделало возможным подъем общественного движения, а, наоборот, революционные события повлияли на потребление алкоголя в смысле его повышения?

Анализируя причины подъема потребления вина в середине 1900-х гг., И.Х. Озеров упомянул одну интересную деталь. Оказывается, что в годы Первой русской революции и в особенности в 1906 г. увеличилась продажа игральных карт. Так вот, в 1904 г. было продано 651 тыс. дюжин колод карт, в 1905 г. – 688 тыс., в 1906 г. – уже чуть более 800 тыс., в 1907 г. – 795 тыс. «Итак, нельзя не констатировать какую-то своеобразную психологию русского обывателя, который в освободительные годы особенно пил и играл в карты», – заключал И.Х. Озеров [1, с. 85].

Любопытно, что абсолютно синхронно с увеличением потребления спиртного и продажей игральных карт в России в указанные годы произошел рост психических и нервных заболеваний. По данным одного из основоположников отечественной санитарной и демографической статистики С.А. Новосельского, в 1904 г. в России было зарегистрировано 82 тыс. 309 душевнобольных и 1 млн 910 тыс. 22 нервных больных, в 1905 г. – 87 тыс. 575 душевнобольных и 1 млн 828 тыс. 273 нервных больных, в 1906 г. – 101 тыс. 15 душевнобольных и 2 млн 285 тыс. 88 нервных больных. В дальнейшем, стоит отметить, рост продолжался, но уже более равномерно [13, с. 20].

Таким образом, налицо рост потребления спиртных напитков, числа психических и нервных заболеваний, а также увеличение спроса на предметы азартных игр у населения Российской империи в период Первой русской революции. Можно предположить, что все вышеперечисленное – следствие дестабилизации ситуации в стране, наступившей в результате революционных событий и неудач в ходе Русско-японской войны, и являлось признаками болезненной реакции населения на масштабный кризис.

Подобную связь устанавливал русско-американский социолог П.А. Сорокин, обобщая исторический опыт изменения состояния человека и общества в условиях различных бедствий. По его мнению, для человека, живущего в условиях войны и (или) революции, характерно «физическое, умственное и эмоциональное напряжение – обусловленное лишениями, усталостью, меланхолией и депрессией, страхом и беспокойством, скорбью о погибших родственниках, чувством отвращения, которое вызывают сцены жестокости, насилия и несправедливости». Вследствие этого, «у многих людей нервная система не может противостоять шоку и ломается, что влечет за собой то или иное психическое расстройство», – отмечал П.А. Сорокин [14, с. 34, 39].

Вполне можно утверждать, что подобное физическое, умственное и эмоциональное напряжение вызывало у современников потребность в том, чтобы забыться, на время уйти от реальности. Как раз такую возможность предоставлял алкоголь. Перефразируя слова Н.Н. Шипова, можно сказать, что не алкоголь являлся почвой для революции, а наоборот, революция как социальный феномен повлекла за собой некоторое увеличение потребления спиртного.

Так, О.А. Сухова пишет о компенсационной функции употребления алкоголя как «одной из характерных особенностей крестьянской повседневной культуры великороссов». По ее мнению, «смутное, скорее бессознательное, желание избавиться от ощущения безысходности и катастрофичности бытия и влекло обывателей к винным складам, винокуренным заводам, винным лавкам» [15, с. 610]. Эти слова были отнесены к 1917 г., однако такой вывод вполне правомерен и для 1905–1907 гг.

Тем не менее, справедливости ради необходимо также выяснить, какие еще причины и обстоятельства могли привести к росту потребления спиртного в середине 1900-х гг.

Применительно к уездам этот факт можно связать с сокращением в 1906 г. вдвое сумм выкупных платежей. Часть высвободившихся средств вполне могла пойти на «пропой». Однако в этом случае неясно, отчего потребление снизилось в 1907 г., когда выкупные платежи были отменены полностью. К тому же массовое пропивание вы-

свободившихся средств в революционные годы вполне укладывается в рамки гипотезы о повышении потребления спиртного как о следствии дестабилизации социально-политической обстановки в стране.

Согласно другой версии, уровень потребления алкоголя в России на рубеже XIX–XX вв. зависел от состояния промышленности. По мнению В.К. Дмитриева, потребление увеличивалось во время активизации промышленного производства. Тогда основным потребителем становился крестьянин, пришедший в город на заработки. Но 1906 г. никак нельзя назвать благоприятным временем для отходничества – промышленность страны находилась в состоянии депрессии.

Другой, более аргументированной точкой зрения, объясняющей подъем потребления алкоголя в 1906 г., является предположение о том, что данное повышение, по крайней мере для сельского населения страны, было вызвано неурожаем. В этой связи стоит отметить, что различные данные говорят о том, что в годы недородов потребление спиртного либо вообще не уменьшалось, либо даже имело тенденцию к увеличению.

«Имеются многочисленные данные, доказывающие, что неурожай очень мало отражается на потреблении алкоголя в смысле его уменьшения», – писал В.Я. Канель. По его сведениям, неурожай в 1867 г. сопровождался увеличением потребления спиртного на 4,5 % по сравнению с 1866 г. Во время голода 1891 г. потребление, напротив, понизилось на 15 % по сравнению с предыдущим годом. Наконец, повышение потребления было также зафиксировано в неурожайные 1902 и 1905–1906 гг. [10, с. 122].

Подобную тенденцию подтверждают цифры официальной статистики. По данным Министерства финансов, в 1907 г. было зафиксировано увеличение потребления спиртного в неурожайных губерниях на 6,5 %, в урожайных – на 3 % [16, с. 987].

Анализируя причины такого поведения, С.А. Первушин писал: «Как раз в годы неурожая потребление становится именно более безалаберным, если можно так выразиться, более порывистым как в силу общего павального в подобные тяжелые годы обостренного психического разлада, так и в силу значительного увеличения пролетарских групп» [10, с. 318].

Получается так, что сэкономленные после отмены выкупных платежей средства крестьяне направили на приобретение и потребление алкоголя, желая тем самым снять эмоциональное напряжение, вызванное революционным брожением и неурожаем.

Стоит отметить, что в какой-то степени сам вектор алкогольной политики, выбранный государством в конце XIX – начале XX в., провоцировал массы на формирование антиправительственных настроений.

Во-первых, этому способствовала монополизация государством питейной торговли, по-своему лишившая доходов очень широкие слои населения. В откровенной и несколько грубой форме экономические потери населения после введения винной монополии охарактеризовал крестьянин из Пензенской губернии Гордей Денисов, вложивший в свою реплику и антиправительственный настрой: «...до введения казенных винных лавок кормилось от кабаков много народа, а ныне завладел ими один сукин сын» [15, с. 328].

Кроме этого момента, государственная монополизация торговли спиртными напитками ударила и по репутации властей. Казенные винные лавки во многом оставались чуждым явлением в крестьянском мире, сельчанину иной раз привычнее было идти за водкой в шинок, напоминавший ему более привычный кабак. Факт продажи государством вина, которое потенциально не только может скрасить суровую деревенскую жизнь, но и привести хозяйство к разорению, навел крестьян на свои, в общем-то, логичные выводы. «Мысль о том, что водка – разорение и что продажа водки поощряется, глубоко сидит во всем трудолюбивом и стойком ядре русского крестьянства», – отмечалось современниками [17].

Возможно, в таком отношении лежит коренная причина погромов казенных винных лавок, прокатившихся по стране в годы Первой русской революции. «Кроме помещичьих усадеб в щепки летели казенные кабаки», – писал применительно к 1905–1907 гг. депутат Государственной Думы I созыва С.В. Аникин [18, с. 52].

По сообщениям прессы, в Олонецкой губернии крестьянское «движение сопровождалось закрытием винных лавок и насилиями над имуществом землевладельцев и над их служащими» [19, с. 237]. В 1906 г. крестьяне

села Николаевское Владимирской губернии «требовали закрытия винной лавки, а когда их просьба была отвергнута, 8 июля 1906 г. разгромили ее» [19, с. 249].

На таких настроениях пытались сыграть различные революционные агитаторы. Так, в апреле 1911 г. в селе Богородское Горбатовского уезда Нижегородской губернии местными представителями РСДРП были разбросаны листовки, содержащие помимо прочего такой призыв: «Не будем пить вина, этого дара помазанника Божия Николая казенщика...» [20, с. 269].

Введение в России в 1914 г. «сухого закона» не поменяло в корне отношения масс к алкогольной политике государства. В годы Первой мировой войны народ потерял возможность при помощи спиртного снижать уровень стресса, повышавшийся от гибели и увечий близких на фронте, военных неудач, распространявшихся слухах об измене в верхних эшелонах власти, осложнявшейся социально-экономической обстановки.

Но главное – «сухой закон» был не для всех. Алкогольные напитки, к примеру, по-прежнему были доступны для посетителей ресторанов первого разряда. Это только усиливало ощущение социального неравенства, что в условиях развивавшегося внутривнутриполитического кризиса, явившегося следствием сложной для страны затяжной войны, приобрело фатальный характер для государства.

Ситуация, когда «сухой закон» был, по сути, объявлен только для низов, тогда как аристократы, представители буржуазии, офицеры продолжали пользоваться продукцией винокурной промышленности, привела к тому, что многочисленные погромы винных складов в 1917 г., когда солдаты и рабочий люд буквально до смерти упивались спиртным, для революционной толпы явились формой восстановления социальной справедливости. По выражению одного из исследователей, «штурм винного склада для масс олицетворял собой штурм старого режима» [21, с. 619].

Очевидно, что алкоголь играл и продолжает играть поглощающую роль по отношению к накоплению негативного настроения населения к окружающей действительности, к политике властей в частности. Непредсказуемость поведения нетрезвого человека или массы людей, находящихся в состоянии ал-

когольного опьянения, не позволяет гарантированно предсказать плоды их участия в революционных событиях. С одной стороны, опьянение, ослабляя чувство ответственности, уменьшая страх, может стимулировать погромные настроения [22]. С другой стороны, состояние аффекта исключает элемент организованности в действиях революционных масс, что ставит под сомнение возможность достижения ими больших успехов. В этой связи представляется, что алкоголь в целом не сопутствует успеху революции.

Российское руководство в начале XX в. не оценило по достоинству данное свойство спиртных напитков, пойдя в 1914 г. на введение «сухого закона». До этого же власти были в первую очередь заинтересованы в установлении контроля над продажей алкоголя, изъяв ее из рук частных лиц и лишив крестьян распивочных кабаков и трактиров.

1. *Озеров И.Х.* На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912.
2. Московские вести // Русское слово. 1907. № 258.
3. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. Спб., 1908.
4. Протокол вечернего соединенного заседания всех секций 2 января 1910 года // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 3 т. Спб., 1910. Т. 1.
5. *Шипов Н.Н.* Алкоголизм и революция. Спб., 1908.
6. *Брешко-Брешковская Е.К.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006.
7. *Павлюченков С.А.* Веселие Руси: революция и самогон // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.
8. Гр. Витте о кабаке // Русское слово. 1907. № 284.
9. *Канель В.Я.* Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914.
10. *Озеров И.Х.* Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904.
11. *Кимбалл А.* Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2004. № 6.
12. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. Сборник документов. М., 1959.

13. *Новосельский С.А.* Очерк статистики населения, заболеваемости и медицинской помощи в России. Спб., 1912.
14. *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий. Спб., 2012.
15. *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
16. *Дроздова А.А.* О мерах борьбы с алкоголизмом // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 3 т. Спб., 1910. Т. 3.
17. *Северянин.* Борьба с алкоголизмом // Русские ведомости. 1907. № 288.
18. *Аникин С.В.* По родным местам (из наблюдений бывшего депутата) // Русское богатство. 1907. № 1.
19. *В.В.* Крестьянские волнения 1905–1906 гг. // Современник. 1911. № 5.
20. Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 гг. Сборник документов. М., 1966.
21. *Ильхов А.А.* Борьба с пьянством и погромами с Петрограде в 1917 году // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007.
22. *Гаврилюк И.В.* Крестьянское движение в Орловской губернии в период Первой российской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2013.

1. *Ozerov I.Kh.* Na temu dnya. K ekonomicheskomu polozheniyu Rossii. M., 1912.
2. *Moskovskie vesti // Russkoe slovo.* 1907. № 258.
3. *Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya pervaya. Chast' 1.* Spb., 1908.
4. *Protokol vechernego soedinennogo zasedaniya vseh sektsiy 2 yanvarya 1910 goda // Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom: v 3 t. Spb., 1910. T. 1.*
5. *Shipov N.N.* Alkogolizm i revolyutsiya. Spb., 1908.
6. *Breshko-Breshkovskaya E.K.* Skrytye korni russkoy revolyutsii. Otrechenie velikoy revolyutsionerki. 1873–1920. M., 2006.
7. *Pavlyuchenkov S.A.* Veselie Rusi: revolyutsiya i samogon // Veselie Rusi. XX vek. Gradus noveyshey rossiyskoy istorii: ot "p'yanogo byudzheta" do "sukhogo zakona". M., 2000.
8. *Gr. Vitte o kabake // Russkoe slovo.* 1907. № 284.
9. *Kanel' V.Ya.* Alkogolizm i bor'ba s nim. M., 1914.

10. *Ozerov I.Kh.* Kazennaya vinnaya monopoliya // Ocherki ekonomicheskoy i finansovoy zhizni Rossii i Zapada. M., 1904.
11. *Kimball A.* Derevenskiy kabak kak zarodysh grazhdanskogo obshchestva vo vtoroy polovine XIX v. // Obshchestvennye nauki i sovremenost'. 2004. № 6.
12. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1890–1900 gg. Sbornik dokumentov. M., 1959.
13. *Novosel'skiy S.A.* Ocherk statistiki naseleniya, zabolevaemosti i meditsinskoy pomoshchi v Rossii. Spb., 1912.
14. *Sorokin P.A.* Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstviy. SPb., 2012.
15. *Sukhova O.A.* Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya. M., 2008.
16. *Drozdova A.A.* O merakh bor'by s alkogolizmom // Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom: v 3 t. Spb., 1910. T. 3.
17. Severyanin. Bor'ba s alkogolizmom // Russkie vedomosti. 1907. № 288.
18. *Anikin S.V.* Po rodnym mestam (iz nablyudeniya byvshego deputata) // Russkoe bogatstvo. 1907. № 1.
19. *V.V.* Krest'yanskoe volneniya 1905–1906 gg. // Sovremennik. 1911. № 5.
20. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii. Iyun' 1907 – iyul' 1914 gg. Sbornik dokumentov. M., 1966.
21. *Il'yukhov A.A.* Bor'ba s p'yanstvom i pogromami s Petrograde v 1917 godu // K istorii russkikh revolyutsiy: sobytiya, mneniya, otsenki. Pamyati I.I. Mintsy. M., 2007.
22. *Gavrilyuk I.V.* Krest'yanskoe dvizhenie v Orlovskoy gubernii v period Pervoy rossiyskoy revolyutsii 1905–1907 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orel, 2013.

Поступила в редакцию 6.11.2014 г.

UDC 329(47+57)"189/181"-029:178.1

SOCIAL MOVEMENT AND CONSUMPTION OF ALCOHOL IN RUSSIA AT THE TURN OF 19th–20th CENTURIES

Ivan Aleksandrovich SHEVCHENKO, Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian History Department, e-mail: iash@rambler.ru

The problem of the relationship between the development of social movements and consumption of alcoholic beverages in Russia in the late 19th – early 20th centuries is considered. The relationships between the different stages in the development of social movements and dynamics of the consumption of alcoholic beverages in Russia in this period are analyzed. Based on archival data, statistics, periodicals, memoir literature, the specificity of alcohol consumption, mainly during the First Russian revolution of 1905–1907 is disclosed. It is concluded that alcohol, on the one hand, could relieve social tension masses, reducing their revolutionary activity, on the other hand, intoxication could stimulate great mood, weakening the sense of responsibility. In general the conclusion is that alcohol is not success of the revolution, because the heat of passion eliminates the element of organized social groups. In addition in the specified period the authorities didn't see the alcohol as the tool for political manipulation, considering the sale of alcoholic beverages as means to replenish the budget.

Key words: alcohol; social movement; revolution; wine monopoly.